

лись немедленного исправления ошибок, допущенных судебными органами, путем своевременного принесения протестов. Акты несправедливости были допущены к отдельным лицам, имели место дискриминация и репрессии и в отношении целых групп населения.

Несмотря на все трудности, к середине 1942 г. экономику страны удалось перевести на военные рельсы. Успешное перебазирование и быстрое налаживание производственной деятельности эвакуированных заводов дали огромный военно-экономический эффект, который проявился в создании производственных ресурсов, крайне необходимых для нужд фронта.

Библиография

1. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. — Т. 1–4. — М., 2000–2008.
2. Христофоров В. С. 1941 год: чрезвычайные меры в СССР по предотвращению катастрофы // 1941 год: Исследования, документы, комментарии — М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. — С. 211–270.
3. Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. — М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. — С. 359–382.

УДК 94(470.5)

Е. Г. Неклюдов¹

ГОРНОЗАВОДСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ НА СОСТАВ ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦЕВ²

Ключевые слова: Урал; горнозаводская промышленность; горнозаводчики акционерные компании; частное предпринимательство.

Аннотация: в статье анализируются региональные особенности развития горнозаводской промышленности Урала во второй половине XIX – начале XX в

¹ Неклюдов Евгений Георгиевич — д.и.н., Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, Екатеринбург).

E-mail: utplant9@mail.ru.

Neklyudov Eugene — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg).

² Исследование проведено по проекту «Урал в контексте российской истории: эволюционная динамика социокультурного развития в XVI–XIX вв.» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

определяется их влияние на изменения в составе заводчиков, повлекшие переход заводов во владение акционерных обществ.

E. Neklyudov

METALLURGICAL BUSINESS IN THE URALS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY: THE IMPACT OF CONDITIONS ON THE COMPOSITION OF FACTORY OWNERS

Key words: *Urals; mining and metallurgy industry; factory owners; joint stock companies; private business.*

The paper analyzes the regional characteristics of the mining and metallurgy industry in the Urals in the second half of XIX – early XX century and determined their impact on changes in the factory owners, resulting transition plants possession corporations

Во второй половине XIX – начале XX в. уральская горнозаводская промышленность переживала периоды как подъема, так и кризиса, сменявшие друг друга почти каждое десятилетие [2]. Нестабильность, обусловленная общими для российской промышленности экономическими и политическими факторами, усиливалась под влиянием региональных особенностей развития отрасли, которые сформировались в течение более чем полуторавекового предшествующего периода ее истории.

Уже к началу реформы 1861 г. большинство горнозаводских хозяйств Урала находились в состоянии финансового неблагополучия, выразившегося в недостатке оборотных капиталов, залогах округов в казенных кредитных установлениях», долгах заводов и заводовладельцев [8]. Крестьянская реформа, разрушив прежнюю основу социальной организации промышленности, лишь усугубила эту ситуацию.

Освобождение горнозаводского населения от крепостной зависимости вынудило заводчиков переходить в отношениях с рабочими от обязательного труда к наемному, более дорогому и сложно организованному. Этот переход, сопряженный с отстаиванием своих экономических интересов и владельцами, и бывшими крепостными, усилил социальную конфронтацию на заводах и способствовал развитию массового рабочего движения, сменившего относительно спокойный дореформенный период господства патерналистских отношений между заводчиками и крепостным населением.

По условиям реформы уральские «заводчики-помещики» должны были заняться и вовсе не характерным для промышленников наделением мастеровых и сельских работников землей; при этом вновь возник конфликт интересов и отношения обострились еще больше. Принци-

пы землеустройства, разработанные реформаторами при участии заводчиков на рубеже 1850–1860-х гг., предполагали, что свой заработок мастеровые и сельские работники сохранят при заводах. Поэтому от категории горнозаводского населения получали по «Дополнительным правилам» недостаточные для полноценного жизнеобеспечения земельные наделы. Позволяя решить важную для заводов «кадровую проблему», следование этим принципам наделения в условиях разворачивавшейся индустриализации и нарастающих кризисных явлений в развитии промышленности заставляло заводчиков, как они сами выражались «давать населению работу вне зависимости от потребности в таковой. и выступать заводам в качестве учреждений филантропических». Постепенно сформировавшееся желание владельцев провести «полное разделение заводов от населения» и освободиться от обременительных обязанностей по его трудоустройству и содержанию, а также характерное для того времени закрытие многих предприятий вызвали необходимость во «второй волне» землеустройства. Опасаясь «пролетаризации населения, государство решилось на продолжение земельной реформы но успело подготовить лишь новый закон для посессионных округов (1893 г.), полностью не удовлетворивший, впрочем, ни население, ни заводчиков. Рабочие в целях «обеспечения их быта» требовали достаточных для ведения аграрного производства земельных наделов. Но условия Урала с его малоплодородными почвами и суровым климатом это вело к выведению значительных площадей из ресурсной территории округов, а в некоторых случаях не позволяло не только развивать, а даже и продолжать горнозаводскую деятельность. Заводчики сопротивлялись требованиям населения, защищая земельные дачи заводов, где добывались минералы и заготавливалось древесное топливо [1, 5, 12].

Другим труднопреодолимым «наследием прошлого» во второй половине XIX – начале XX в. оказалась и сложившаяся на Урале особая форма организации заводского хозяйства. Окружная система представляла собой комплекс, состоявший из нескольких взаимосвязанных и додействующих предприятий, каждое из которых специализировалось на производственных операциях какой-либо стадии металлургического процесса. Эти самостоятельные группы заводов (в ориентированных на медеплавильное производство округах мог действовать и один завод) отведенными к ним обширными ресурсными территориями, где местное население заготавливало руду и древесное топливо, образовывали замкнутые горнозаводские округа, находившиеся во владении заводчиков. В условиях Урала окружная система оказалась совершенной формой для

металлургической мануфактуры, но она стала барьером на пути индустриальной модернизации промышленности. Ее сдерживающее влияние особенно усилилось с 1880-х гг., когда уральские заводы столкнулись не только с конкуренцией импортного металла, но и с опережающим развитием нового Южного промышленного региона России. Возведенные там по европейским образцам металлургические гиганты представляли собой передовые индустриальные предприятия с полным циклом производства, действовавшие с применением новых видов энергии и дешевого кокса.

Окружная организация уральской промышленности стесняла возможности применения передовых технологий в металлургии, требовавших перестройки производственных связей посредством закрытия «передельных» заводов и концентрации производства на крупных комбинированных предприятиях. Кроме того, при отсутствии развитых рынков сырья и топлива было необходимо «подтягивать» до индустриального уровня и вспомогательные отрасли окружного хозяйства – рудную, транспортную и топливную. Но совершенствование важнейшей топливной отрасли осложнялось отсутствием на Урале месторождений качественных минеральных углей, территориальной удаленностью региона от крупных каменноугольных бассейнов и недостаточно развитой системой железных дорог. Все усиливающаяся разбалансированность уровней развития отраслей окружной экономики нарушала стабильность всей системы и препятствовала развитию ее основной – металлургической – отрасли [6].

Чтобы не потерять хотя бы традиционные рынки и снизить себестоимость продукции, уральские заводчики были вынуждены активизировать индустриализацию, не ограничиваясь «встраиванием» новой техники в старую производственную систему, как это зачастую происходило. Подобная «псевдоиндустриализация» давала лишь ограниченный эффект и только усиливала отставание Горнозаводского Урала от Южного металлургического района. Заводчикам необходимо было преодолевать веками складывавшиеся стереотипы в отношении к организационным основам хозяйственной жизни их уральских имений и фактически создавать новую промышленность, соответствовавшую потребностям индустриального общества. Это требовало не только коррекции представлений, но и огромных капиталовложений, которые сами заводчики не всегда могли осуществить не столько из-за значительности своих личных трат, сколько потому, что в условиях нестабильной рыночной конъюнктуры уже не получали больших и постоянных доходов. Именно

недостаток финансов приобрел тогда определяющее влияние на проведение индустриализации в большинстве горнозаводских хозяйств Урала. Случалось, что в тяжелые годы ответственные владельцы даже отказывались от дивидендов, а в период острого экономического кризиса начала XX в. пытались влиять на ценообразование посредством вхождения российские монополистические объединения или организовывали региональные металлургические синдикаты [11].

Насущной потребностью в такой ситуации становилось привлечение капиталов «со стороны». Поначалу этому препятствовали недостаточное развитие рыночной инфраструктуры в стране, только что сброшенных оковы крепостничества, отсутствие крупных частных инвесторов или финансовых организаций, готовых вкладывать немалые деньги в реконструкцию уральской промышленности, не рассчитывая на немедленное получение прибыли. Недостаток оборотного капитала привел тогда к упадку многих крупных горнозаводских округов (Кнауфского, Суксунского, Сергинско-Уфалейского, Ревдинского, Белорецкого, Юрзанского и др.). Лишь развитие рыночных институтов с начала 1870-х – особенно в 1890–1900-е гг. позволило воспользоваться таким источником денежных ресурсов, как ипотечные и «подтоварные» ссуды в набиравших силу частных банках, привлечь отечественных и иностранных инвесторов (в основном английские, французские и бельгийские финансово-промышленные группы и коммерческие банки) к соучастию в финансировании заводов посредством организации акционерных компаний. Именно с их помощью в 1890-е гг. были построены ставшие крупнейшими на Урале металлургические комбинаты (Чусовской, Надеждинский), а в 1910-е гг. во многих перспективных округах началась реализация масштабных планов реконструкции. Незадолго до национализации несколько акционерных обществ (Лысьвенское, Богословское, Алапаевское) уже были озабочены покупкой или арендой участков Кузнецких каменноугольных копей, планируя в будущем обеспечить под контрольные им предприятия привозным минеральным топливом [4].

Во второй половине XIX – начале XX в. во многих горнозаводских округах обострились и ресурсные проблемы. В одних округах, располагавшихся, как правило, на западном склоне Уральских гор, почти исчерпанными оказались столетиями эксплуатировавшиеся рудные месторождения, в других, находившихся в Зауралье, ощущался недостаток удобных лесных участков для заготовки древесного топлива (следствие как не всегда рационального их использования, так и продолжавшегося землеустройства бывшего крепостного и казенного населения). Попыт

ки организовать новые горнозаводские хозяйства на богатых ресурсами территориях Приволжского края оказались безуспешными из-за неосвоенности этих земель и отсутствия удобных путей сообщения. Усиленные геологические изыскания, открытие некоторых казенных рудников и лесных дач для частной эксплуатации, укрупнение округов, введение «правильного» лесоустройства, использование на отдельных операциях альтернативных видов топлива (жюкс, торф, нефтепродукты), внедрение ресурсосберегающих технологий в металлургическом производстве и строительство железных дорог позволяли компенсировать недостаток ресурсов. Но там, где в силу местных обстоятельств эти меры не приносили должного эффекта, приходилось снижать производительность заводов или вовсе прекращать горнозаводскую деятельность. В частности, такая участь постигла большинство медеплавильных заводов Южного Урала. На закрытие были обречены и многие мелкие горнозаводские хозяйства с ограниченными ресурсами и возможностями для конкуренции.

В этой сложной ситуации от государства требовалось проведение рациональной налоговой, тарифной и таможенной политики, что позволило бы отечественной промышленности динамично развиваться. Насущной становилась ликвидация устаревших правовых норм, которые сформировались еще в доиндустриальный период и лежали в основе распространявшегося на половину горнозаводских округов посессионного права. Без государственной поддержки было невозможным и ускоренное обновление системы транспортных коммуникаций в целях сокращения провозных расходов, преодоления географической отдаленности Урала, выхода к новым рынкам, источникам сырья и топлива.

На тяжелое положение уральской промышленности казна отреагировала серьезными мерами общего характера, направленными на формирование благоприятных условий для предпринимательства: понижение горных податей в 1869 г., затем полную их замену промысловым налогом в 1898–1901 гг., более умелое манипулирование провозными тарифами и таможенными пошлинами в зависимости от динамично меняющейся конъюнктуры мирового и внутренних рынков металлов, строительство сети железных дорог на Урале с учетом потребностей горнозаводской промышленности. Однако «горная реформа», разработанная еще в 1860-е гг., была реализована лишь частично. Она предполагала ликвидацию посессионного права, распространявшегося на половину горнозаводских округов Урала, приватизацию большинства казенных заводов, распространение принципа «горной свободы» на свободные казенные земли и фактическую ликвидацию региональной горной администрации.

От посессионного права в 1860–1870-е гг. были освобождены только несколько округов (Кыштымский, Сергинско-Уфалейский, Кагинский, Авзяно-Петровский), «перечисленные» в состав владельческих после отмены тех «казенных пособий», которые прежде позволяли заводчикам пользоваться трудом государственных или крепостных людей. В исключительном порядке особыми высочайшими повелениями в 1880–1890-е гг. прекратилось посессионное владение Кнауфским, Суксунским, Мосоловским и Ревдинским округами при их публичной продаже. Но реализация проекта выкупа земель и лесов, касавшегося всех посессионных заводов, была поставлена в зависимость от завершения землеустройства горнозаводского населения, которое затянулось вплоть до национализации. Под давлением заводчиков правительство не решилось претворить в жизнь и разработанный в конце XIX в. проект «разверстания посессий» между казной и владельцами, чреватый прекращением работы многих предприятий. Лишь в начале XX в. заводчики добились снятия «посессионных ограничений» на продажу природных ресурсов и залог округов в ипотечных банках по частным распоряжениям властей [9].

Из семи уральских казенных округов, которые назначались к продаже, на торгах были куплены только Богословский и Вятский. Начавшаяся в 1886 г. реформа горного управления ограничилась лишь корректировкой существующей системы. «Правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях» были введены только в 1887 г. и оказались, по сути, единственным крупным новшеством в содержании Горного устава, вошедшего в Свод законов 1893 г. Этот кодекс горных законов опирался в основном на дореформенное законодательство, но действовал до конца имперского периода. В результате «правовое поле» деятельности заводчиков так и не было приведено в соответствие с требованиями времени. Сохранилась и контролирующая роль государства, заботившегося прежде всего о горнозаводском населении, далеко не повсеместно обеспеченном средствами к существованию (в первую очередь землей) в случае возможного закрытия завода или сокращения рабочих мест. Постепенно сформировавшееся осознание общности интересов и необходимости их лоббирования в правительстве привело заводовладельцев к организации с 1880 г. региональных съездов, а также созданию в 1898 г. постоянно действующего Совета съездов горнопромышленников Урала.

За эти годы несколько округов были ликвидированы и превращены в сельскохозяйственные или лесопромышленные имения, заметно интенсифицировались разделы и объединение, были основаны новые

горнозаводские хозяйства [7]. В результате всех изменений в 1861–1917 гг. количество частных горнозаводских хозяйств на Урале, по нашим подсчетам, в целом сократилось с 42 до 28. Вместе с тем несколько увеличилось количество владельческих хозяйств (с 19 до 20, т. е. с 45 до 71 %) и существенно обновился их состав. Количество посессионных округов, наоборот, уменьшилось (с 17 до шести, т. е. с 41 до 22 %); сократилось и количество округов, в составе которых были и владельческие, и посессионные заводы (с шести до двух, т. е. с 14 до 7 %).

Столь динамично менявшиеся условия и облик промышленности не могли не вызвать перемен в составе и облике заводладельцев. Как можно судить по динамике их состава, количество и «старинных», и «новых» родов заводчиков после 1861 г. заметно сократилось. Так, из состава 12 «старинных» (от трех до восьми колен) родов полностью выбыли пять (Всеволожские, Мосоловы, потомки А. Ф. Турчанинова, Губины, Лебедевы). Потомки С. Я. Яковлева, Голицыны и по одной ветви Демидовых (из трех) и Шуваловых стали акционерами, как и две (из шести) ветвей потомков И. С. Мясникова (Белосельские-Белозерские, Балашовы). Из девяти родов (от двух до трех колен) и четырех лиц (они не передавали заводы по наследству и не составляли родов заводчиков), которые стали владельцами горнозаводских округов в первой половине XIX в., никто не сохранил заводы в своем владении. Дворянские роды Бенардаки, Пономаревых и Шелашниковых, купеческие роды Коровиных и Подъячевых, не сумев закрепиться в уральской промышленности, выбыли в результате закрытия или продажи заводов. «Одворянившиеся» потомки купцов Расторгуевых, Ярцовых, Пастуховых и Рукавишниковых после акционирования принадлежавших им округов стали владельцами акций. Из состава «новых» заводчиков, начавших свою деятельность на Урале после 1861 г., выбыли (двухколенные) дворянские роды Башмаковых, Поклевских-Козелл, Ратьковых-Рожновых, купеческие роды Каменских, Злоказовых, Беляковых и Белиньковых, крестьян Шамоновых, а также род британских дворян Бродген. Продажей, закрытием или реквизицией заводов завершилось горнозаводское предпринимательство 25 владельцев, не составивших родов; шесть таких владельцев стали акционерами.

В результате этих изменений проявилась тенденция к сокращению состава владельцев. Хотя их общее количество по сравнению с предыдущим периодом увеличилось почти на треть (324 чел. в 1800–1861 гг., 430 – в 1861–1917/19 гг.), число владельцев в «рубежные» годы значительно (в 12 раз) уменьшилось (с 83 чел. в 1861 г. до 7 чел. в 1917/19 гг.).

Из «старинных» родов ко времени национализации полноправными заводовладельцами оставались лишь граф С. А. Строганов (Пермский майорат с Билимбаевско-Уткинскими заводами), княгиня М. П. Абамелек-Лазарева и ее племянник граф И. С. Мещерский (совладельцы Кизеловских заводов) и графиня Е. А. Воронцова-Дашкова (Юго-Камский округ). Они принадлежали к богатейшим аристократическим фамилиям, чем во многом и объяснялось столь продолжительное владение (без продажи или акционирования). Из «новых» заводчиков это были князь С. Е. Львов (Пожевский округ), В. А. Бутлеров (Кажимский округ) и М. В. Асеев (Зигагинский округ), ставшие заводчиками уже в XX в. Известно, что некоторые из этих владельцев (в частности, С. Е. Львов и наследники С. С. Абамелек-Лазарева) в 1910-е гг. готовы были отказаться от своего права владения заводами в пользу акционерных обществ. Неакционированный Ревдинский округ П. Г. Солодовникова был реквизирован во время Первой мировой войны, а Никольский завод продан Злоказовыми кооперативному союзу в 1919 г.

Остальные уральские горнозаводские округа находились во владении акционерных обществ или в долгосрочной аренде у них (фактически приравненной к владению). Вместе с тем участниками этих обществ могли числиться и бывшие заводовладельцы. Таковыми ко времени акционирования оставались «нижнетагильские» наследники П. П. Демидова, «верх-исетские», «алапаевские» и «невьянские» потомки С. Я. Яковлева, «лысьвенские» наследники П. П. Шувалова и «нытвенский» С. М. Голицын, «симские» Балашовы и «катав-юрюзанские» Белосельские-Белозерские, «омутнинские» Пастуховы, «кыштымские» потомки Л. И. Расторгуева, «авзяно-петровские» Бенардаки, «невьянско-алапаевские» Рукавишниковы, «шайтанские» Берги, «сысертский» Д. П. Соломирский, «инзеровский» С. П. фон Дервиз и «богословский» Н. М. Половцова. Однако их доля во владении акциями и роль в управлении постепенно снижались и переходили при продажах или эмиссии к крупным банкам или банковско-промышленным группам. По-видимому, еще до национализации вышли из состава акционеров Д. П. Соломирский, Пастуховы и Бенардаки.

Действовавшие Белорецко-Кагинский и Сергинско-Уфалейский округа находились во владении акционерных обществ без участия прежних владельцев со времени их учреждения. Изначально акционерные компании принадлежали и два новых горнозаводских хозяйства – Порожское (Уральское электрометаллургическое товарищество) и Тагильско-Баймакское (Южно-Уральское горнопромышленное общество).

которые продолжали действовать вплоть до национализации. Таким образом, если в 1861 г. из 42 горнозаводских округов, подведомственных Уральскому горному правлению, всего два (5 %) находились во владении акционерных обществ, то к моменту национализации 1917/19 гг. акционерным обществам принадлежали уже 20 горнозаводских хозяйств из 28 (72 %) [10]. «Институционализация» в виде акционерных обществ и стала ведущей тенденцией в развитии образа заводчика во второй половине XIX – начале XX в. В специальной литературе акционирование уральских горнозаводских округов рассматривается в основном с точки зрения перехода их под контроль финансового капитала [3]. Хотя акционирование в большинстве случаев действительно приводило к такому итогу, задумывалось оно заводчиками, как правило, с иными целями, от которых зависели и его разнообразные формы.

Некоторые владельцы (в частности, потомки С. Я. Яковлева и П. И. Расторгуева) провели акционирование, чтобы облегчить управление и принятие оперативных решений, а также упростить залог заводов в ипотечном банке. Первоначально сохранив за собой все акции, такие заводчики не утрачивали своего влияния на заводы, которыми распоряжалось составленное ими правление. Акционирование Нижнегагильских и Луньевских заводов помогало Е. П. Демидову в союзе с дружественным ему банком освободиться от обременительного влияния совладельцев и рассчитаться с ипотечным долгом.

Другие заводчики (потомки А. Ф. Турчанинова, Пастуховы) согласились на акционирование в тяжелой финансовой ситуации, когда передача части владения новым участникам посредством продажи акций могла принести дополнительный капитал и улучшить положение заводов. Иногда владельцы рассчитывали достичь того же эффекта, не поступая при этом своими правами и имуществом. Так сделала, к примеру, Л. М. Половцова (действиями которой руководил ее талантливый муж Л. А. Половцов), первоначально сохранив все акции Богословского округа за собой, но, выпустив в продажу облигации созданного акционерного общества, которые не давали их покупателям права распоряжаться имуществом и участвовать в управлении заводами. Аналогичным образом намеревались поступить и наследники П. П. Шувалова. Их проект акционирования Лысьвенского округа оказался еще универсальнее. С помощью выпуска облигации предполагалось составить крупный капитал, а передачей некоторого количества «привилегированных» акций кредиторам – погасить частные долги. Вместе с тем контрольный

пакет акций оставался за прежними владельцами, которые в этом случае не утрачивали своей доминирующей роли в управлении.

Иногда акционерные компании составлялись специально для приобретения дорогостоящих горнозаводских округов. Так, Товарищество Сергинско-Уфалейских заводов, купившее одноименный округ в 1882 г., было создано именно в целях образования покупной суммы и отсутствовавшего у заводов оборотного капитала. Общество Белорецких заводов, к которому в 1874 г. перешло имение разорившихся Пашковых, возникло также и для расчета посредством акций с кредиторами бывших владельцев. Две первые на Урале акционерные компании – Товарищество Суксунских заводов (1848 г.) и Компания Кнауфских заводов (1853 г.), созданных самими кредиторами для возврата долгов, не сумев сформировать оборотный капитал, в тяжелые пореформенные годы обанкротились и были ликвидированы.

Можно уверенно говорить, что акционирование являлось вполне закономерным следствием нового индустриального этапа в развитии уральской горнозаводской промышленности, требовавшего большей оперативности управления предприятиями и огромных капиталовложений. Заводчиками оно рассматривалось как вынужденный, но, пожалуй и самый эффективный способ преодоления все нараставших трудностей. Однако, способствуя решению многих проблем, акционирование имело неизбежное при любом его варианте следствие: оно лишало заводчиков статуса владельцев, передавая его акционерным компаниям как обществам владельцев акций. Большинство бывших заводчиков теряли свои позиции в учрежденных ими (или с их участием) закрытых или открытых акционерных компаниях, уступая ведущие позиции крупным банкам или банковско-промышленным группам. Именно за такими акционерными обществами, на наш взгляд, было будущее уральской горнозаводской промышленности, если бы в России сохранились условия для развития частного предпринимательства.

Общая эволюция уральских заводчиков, таким образом, в целом повторяла типичный для крупного предпринимательства путь от индивидуальных владельцев – организаторов производства, характерный для периода становления промышленности, до акционерных обществ в роли владельцев, что свойственно периоду развитой промышленной деятельности. На своем заключительном, прерванном революцией и национализацией этапе истории уральской горнозаводской промышленности эволюция образа владельца, как представляется, близилась к своему естественному завершению: большинство частных горнозавод-

ских хозяйств переходили к акционерным обществам с доминированием в их составе крупных промышленных или финансовых организаций. Уральские заводчики постепенно утрачивали не только присущее им типовое разнообразие, но и свой персонифицированный облик.

Библиография

1. *Алеврас Н. Н.* Аграрная политика правительства на Горнозаводском Урале в начале XX в. — Челябинск, 1996. — 212 с.
2. *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Metallургия Урала с древнейших времен до наших дней. — М., 2008. — 904 с.
3. *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). — М., 1982. — 262 с.
4. *Вяткин М. П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. — М., 1965. — 400 с.
5. *Горовой Ф. С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. — Пермь, 1961. — 408 с.
6. *Гуськова Т. К.* Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. Заводы. Рабочие. — Нижний Тагил, 2007. — 294 с.
7. Metallургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. — Екатеринбург, 2001.
8. *Неклюдов Е. Г.* Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. — Нижний Тагил, 2004. — 600 с.
9. *Неклюдов Е. Г.* Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX в. — Екатеринбург, 2011.
10. *Неклюдов Е. Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения [в печати].
11. *Сапоговская Л. В.* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. — Екатеринбург, 2007. — 192 с.
12. *Шустов С. Г.* Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX — начале XX в. — Пермь, 2010. — 328 с.